

УДК 159.9

DOI:10.34670/AR.2026.14.22.008

**Структурные компоненты устойчивости
военнослужащих к стресс-фрустрационным состояниям**

Иванов Василий Игоревич

Командир батальона обеспечения
учебного процесса,
Новосибирский военный ордена Жукова институт
им. генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации,
630114, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское Плато, 6/2;
e-mail: vasyagansk@mail.ru

Перевозкин Сергей Борисович

Кандидат психологических наук,
доцент,
старший научный сотрудник научно-исследовательского
и редакционно-издательского отдела,
Новосибирский военный ордена Жукова институт
им. генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации,
630114, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское Плато, 6/2;
e-mail: per_sj@mail.ru

Перевозкина Юлия Михайловна

Доктор психологических наук,
профессор,
заведующий кафедрой практической
и специальной психологии факультета психологии,
Новосибирский государственный педагогический университет,
630126, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Вилюйская, 28;
профессор кафедры военной педагогики и психологии,
Новосибирский военный ордена Жукова институт
им. генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации,
630114, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское Плато, 6/2;
e-mail: per@bk.ru

Федоришин Михаил Иванович

Кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры практической
и специальной психологии факультета психологии,
Новосибирский государственный педагогический университет,
630126, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Виллюйская, 28;
старший преподаватель кафедры военной педагогики и психологии,
Новосибирский военный ордена Жукова институт
им. генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации,
630114, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское Плато, 6/2;
e-mail: maskarad14@mail.ru

Аннотация

Военнослужащие подвержены как стрессовым факторам, характерным для повседневной жизнедеятельности, так и стрессовым факторам, возникающим только в боевых условиях. Выполнение служебно-боевых задач военнослужащими в условиях проведения СВО требует выработки у них устойчивости к стрессовым воздействиям. Целью исследования является выявление компонентов устойчивости военнослужащих к стресс-фрустрационным состояниям. Данная цель достигалась путем изучения факторной структуры устойчивости. Участниками стали 226 курсантов 3 курса в возрасте от 19 до 28 лет. Результаты применения факторного анализа показали, что модель из трех компонентов имеет наилучшую объяснительную способность (68,34 %). В первый фактор «Деадаптивное избегание и ригидность мышления в неопределенности» (когнитивный компонент), с дисперсией 33,42 % вошли 10 переменных. Вторым фактор «Дисфункциональная саморегуляция в условиях стресса» (психофизиологический компонент) с объяснительной силой 24,69 % дисперсии включает в себя девять переменных. Третий фактор «Эмоционально-конструктивное преодоление фрустрации» (эмоциональный компонент) с дисперсией 10,23 % обобщает девять признаков. Данное исследование способствует пониманию устойчивости к фрустрации у военнослужащих. Представленная модель включает в себя ключевые факторы устойчивости, встречающиеся в большинстве общих моделей устойчивости. Этот вывод демонстрирует потенциальную значимость модели фрустрационной устойчивости для военнослужащих и может представлять собой основу для концептуализации данного конструкта.

Для цитирования в научных исследованиях

Иванов В.И., Перевозкин С.Б., Перевозкина Ю.М., Федоришин М.И. Структурные компоненты устойчивости военнослужащих к стресс-фрустрационным состояниям // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 12А. С. 115-126. DOI:10.34670/AR.2026.14.22.008

Ключевые слова

Устойчивость, фрустрация, стресс, экстремальные ситуации, военнослужащие, психологическая адаптация, военная психология.

Введение

Возникший военно-политический кризис на Украине повлиял на всю систему международных отношений. Для Российской Федерации специальная военная операция (СВО) стала важнейшей точкой начала новой эпохи государства, которая определяет вектор дальнейшего развития во всех жизненных сферах. Выполнение служебно-боевых задач военнослужащими в условиях проведения СВО требует выработки у них устойчивости к стрессовым воздействиям. Стрессовый характер боевых условий, в которых действуют военнослужащие отражен во многих исследованиях [King, 2006]. Военнослужащие подвержены как стрессовым факторам, характерным как для повседневной жизнедеятельности, так и стрессовым факторам, возникающим только в боевых условиях. Некоторые из этих факторов стресса являются умеренными (например, нехватка сна, высокий уровень неопределенности), в то время как другие являются потенциально травматичными (например, потеря сослуживцев, моральный ущерб, риск получения травмы и смерти и т.д.). Следовательно, военнослужащие могут сталкиваться с разным набором фрустрационных факторов во время службы, связанных с боевыми действиями [Street, 2013]. Офицерский состав представляет собой руководящий и принимающий решения компонент любого вооруженного формирования и подвержен дополнительным источникам стресса. Стрессорам, влияющим на офицерский состав, уделялось определенное внимание. В этом контексте является важным и необходимым выявление устойчивости военнослужащих к стресс-факторам и определение компонентов устойчивости к стрессу.

Теоретическое обоснование устойчивости военнослужащих к стресс-факторам

В свою очередь, устойчивость определяют как личностную характеристику, выражающую способность использовать внутренние и социальные ресурсы для успешной адаптации перед воспринимаемым стрессом, невзгод и травм. Г. Вагнилд и Г. Янг [Wagnild, 1993] также утверждают, что устойчивость представляет собой характеристику личности, которая усиливает адаптацию. С. Лютар и др. [Luthar, 2016] считают, что эго-устойчивость – это характеристика личности, отражающая находчивость, выносливость и гибкость в изменяющейся среде. П. Бартон [Bartone, 2006] определил жизнестойкость как многомерную характеристику личности и способ функционирования, включающий когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты.

Одним из факторов, влияющих на устойчивость В. Флориан с соавторами [Florian, 2015] обозначают стиль привязанности индивида к своей социальной группе, который определяет взаимодействие личности со своим социальным окружением, получение поддержки в период стресса и пр. Субъекты, у которых такая связь достаточно надежная, как правило, более уверены в себе, более адаптивны, а также лучше оценивают стрессовые ситуации, справляются с ними более позитивно и более гибко приспосабливаются к фрустрирующим факторам. По данным Г. Бонанно и др. [Bonanno, 2007] восприятие военнослужащими социальной поддержки в ближайшем социальном окружении связаны с устойчивостью, поскольку поддержка от близких людей служит «буфером» для воздействия стресса и компенсирует нехватку личных ресурсов.

Дж. Гросс и О. Джон [Gross, 2003] считают, что важной составляющей структуры устойчивости является когнитивный фактор. В свою очередь когнитивная переоценка связана с эмоциональной регуляцией, обеспечивая гибкость, необходимую для адаптации к стрессу с

помощью правильного эмоционального подхода. Эта способность достигается за счет изменения восприятия стрессора, оценки его таким образом, чтобы обеспечить доступ к более адаптивным эмоциям и их выражение. Важность эмоциональной регуляции для достижения устойчивых результатов, по мнению М.И. Федоришина [Федоришин, 2021] вероятно, связана с эмоциональной природой высокострессовых событий. Так, положительные эмоции или переосмысление могут расширить кругозор военнослужащего и обеспечить гибкость внимания. С течением времени использование стратегии переосмысления при столкновении с фрустрирующими обстоятельствами этот позволяют субъекту опираться на положительные эмоции в стрессовых ситуациях, а также увеличивать личные ресурсы в целом. Оптимистичные индивиды, как правило, устойчивы, потому что, представляя себе позитивные результаты, они не перестают прилагать усилия для их достижения [Мекебаев, 2021].

Самозффективность связана с компетентностью и мастерством, которые бросают вызов и противодействуют чувствам беспомощности или подавленности, которые часто характеризуют реакции на высокострессовые ситуации. В контексте самозффективности, С. Мадди с соавторами [Maddi, 2012] пишут о таком качестве необходимом для военнослужащих как упорство, которое определяется ими как настойчивость в достижении долгосрочных целей. Военнослужащие, обладающие упорством добиваются своих целей, несмотря на неудачи и трудности, подобно тому, как марафонец не сбивается с пути (долгосрочная выносливость, а не краткосрочная интенсивность). Самооценка также рассматривается как защита от стресса и депрессии, а также как фактор, определяющий устойчивость. Психологическая устойчивость, как было показано Фроловой Л.В. [Фролова, 2017], защищает военнослужащего от воздействия стресса, обеспечивая позитивную деятельность в неблагоприятных условиях.

Согласно М. И. Федоришина с соавторами [Федоришин, 2022] физическая подготовка, психофизиологические реакции и здоровье улучшают производительность и повышают устойчивость военнослужащих, поскольку они защищают от последствий стресса и способствуют позитивному настроению и эмоциям. Например, как показано в исследовании Ю.М. Перевозкиной с соавторами [Перевозкина, 2023] военнослужащие демонстрирующие более высокие результаты по параметру устойчивость показывали более быстрое восстановление сердечно-сосудистой системы после острого лабораторного стресса. Что касается восприятия стресса, то военнослужащие с высокой устойчивостью к неопределенности оценивали травматический стресс как менее угрожающий. Кроме того, они испытывали больше положительных и меньше отрицательных эмоций во время травматического стресса. В свою очередь, копинг включает когнитивные и поведенческие механизмы, используемые для управления внешними и внутренними ресурсами. Активное или ориентированное на задачу поведение считается в научной литературе наиболее адаптивным и связано с более позитивными результатами, такими как выполнение служебно-боевых задач или нивелирование симптомов посттравматического стресса. В исследовании Ю.М. Перевозкиной и Р.А. Биденко было установлено, что курсантов Росгвардии можно разделить на четыре типа реагирования на стрессовые ситуации: адаптивно-поведенческий, адаптивно-когнитивный, дезадаптивно-поведенческий и дезадаптивно-когнитивный [Перевозкина, 2022]. При этом, наиболее эффективно справлялись со стрессом, курсанты у которых доминировали адаптивно-поведенческий и адаптивно-когнитивный типы.

Таким образом, проведенный теоретический анализ показал, что когнитивная, психофизиологическая и эмоциональные составляющие являются одной из важных компонентов устойчивости к стресс-фрустрационным состояниям у военнослужащих.

Методология

В данном исследовании рассматривается комплекс факторов, составляющих структуру устойчивости военнослужащих к стресс-фрустрационным состояниям (СФС) как многомерного конструкта, когнитивный компонент, эмоциональный компонент и психофизиологический компонент. Эти, казалось бы, различные аспекты были использованы для выявления общей структуры устойчивости.

- Блок опросников, для изучения устойчивости к СФС: опросник «Устойчивость к неопределенности» С. Баднера в адаптации Г.У. Солдатовой; опросник «Резистентность к неопределенности» А.В. Карпова; опросник «Устойчивость к неопределенности Т.В. Корниловой; авторский опросник «Устойчивость к СФС» В.И. Иванов, Ю.М. Перевозкина.
- Блок опросников для исследования СФС: опросник «Определение уровня невротизации и психопатизации» (УНП) И.Б. Ласко Б.И. Тонконогий; «Симптоматический опросник самочувствие в экстремальных условиях» А. Волков Н. Водопьяновой; опросник «Прогноз», для определения нервно-психической устойчивости и риска дезадаптации в стрессе Ю.А. Баранов.
- Блок методик для выявления факторов, влияющих на устойчивость к СФС: «16-ти факторный личностный опросник» Р. Кеттелла, «Мельбурнский опросник принятия решений» в адаптации Т.В. Корниловой, «Тест фрустрационных реакций» С. Розенцвейга.

База исследования: Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации», Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации». Всего исследуемая выборка включала 226 курсантов 3 курса в возрасте от 19 до 28 лет.

Выявление структуры устойчивости военнослужащих к стресс-фрустрационным состояниям у курсантов Росгвардии осуществлялось посредством факторизация компонентов устойчивости военнослужащих к стресс-фрустрационным состояниям при помощи факторного анализа, методом главных компонентов с вращением варимакс-нормализованных.

Результаты

С целью выявления структуры устойчивости военнослужащих к стресс-фрустрационным состояниям у курсантов Росгвардии и верификации, выделенных компонентов устойчивости к фрустрации военнослужащих применялся факторный анализ по методу главных компонент с вращением «Варимакс-нормализованных». Количество переменных взятых для анализа первоначально равнялось 37, но в результате построения факторной модели некоторые переменные были исключены из анализа, т.к. не имели наибольшей нагрузки ни по одному фактору. Результирующая модель была построена по 27 переменным, имеющим максимальную нагрузку только по одному фактору и состояла из трех факторов, которые были выделены на основе критерия Р. Кэттелла, т.к. точке перегиба соответствовала четвертая компонента.

Результаты применения факторного анализа показали, что модель из трех компонентов имеет наилучшую объяснительную способность (68,34 %) (таблица).

Таблица 1 – Факторные нагрузки по трем компонентам устойчивости у курсантов Росгвардии (N=226)

Переменные в модели	Фактор - 1	Фактор - 2	Фактор - 3
Эффективный тип	-0,48	0,38	-0,15
Когнитивный компонент Э	-0,50	0,27	-0,21
Бдительность	-0,82	0,06	-0,02
Избегание	0,76	0,41	-0,07
Прокрастинация	0,81	0,28	-0,03
Сверхбдительность	-0,84	0,08	0,01
Невротизация	0,51	-0,13	0,05
Психопатизация	0,51	-0,25	-0,06
Сложность проблемы(интолерантность)	0,78	-0,08	0,01
Интегральный показатель интолерантности к неопределенности	0,74	-0,15	-0,03
Импульсивный тип	-0,10	0,65	-0,02
Удерживающий тип	-0,14	0,51	0,05
Адаптивный компонент И	-0,06	0,51	0,26
Адаптивный компонент У	0,00	0,57	0,04
Истощение психоэнергетических ресурсов	-0,36	0,54	0,39
Нарушение воли	-0,41	0,55	0,12
Нарушение сна	0,14	0,52	-0,24
Деадаптация (склонность к зависимости)	0,18	0,56	0,49
Эмоциональный компонент Э	0,01	-0,07	0,84
Эмоциональный компонент И	0,20	0,01	-0,50
Нервно-психическая устойчивость	-0,00	-0,28	0,57
Эмоциональная неустойчивость	0,11	0,04	-0,94
Суммарный показатель невротизации	0,19	0,34	-0,78
Экстрапунитивные реакции	0,12	0,06	-0,64
Импунитивные реакции	0,02	0,01	0,83
Препятственно-доминантный тип	0,02	0,02	0,90
Необходимо-упорствующий тип	-0,07	-0,17	-0,64
% общей дисперсии по фактору	33,42	24,69	10,23
Собственные значения	6,56	4,11	2,86
% доли общей дисперсии всей модели	68,34		

В первый фактор, с дисперсией 33,42 % вошли 10 переменных из которых четыре имеют отрицательную нагрузку, а шесть – положительную. Переменные образующие отрицательный полюс состоит из таких признаков как эффективный тип (-0,48), когнитивный компонент эффективного типа (-0,50), бдительность (-0,82), сверхбдительность (-0,84). Положительный полюс включает в себя следующие переменные: избегание (0,76), прокрастинация (0,81), невротизация (0,51), психопатизация (0,51), сложность проблемы (интолерантность) (0,78), интегральный показатель интолерантности к неопределенности (0,74). Высокие нагрузки были обнаружены по таким параметрам как избегание, прокрастинация, интолерантность к неопределенности. Следовательно, на отрицательном полюсе данного фактора находятся такие переменные как эффективные стратегии к преодолению ситуаций, связанные с риском для жизни, которые предусматривают высокую когнитивную оценку влияния фрустрационных факторов на благополучие личности военнослужащего и его подчиненных, анализ проблем и

собственных возможностей, при которой последние позволяют успешно преодолеть фрустрационную ситуацию, уточнение целей и задач решения, рассмотрение альтернатив, связанное с поиском информации, ассимиляцией ее «без предрассудков» и оценки перед выбором. Согласно модели, бдительность является единственным копингом, который позволяет принимать рациональные решения. На положительном полюсе избегание (0,76), прокрастинация (0,81), невротизация (0,51), психопатизация (0,51) сложность проблемы (интолерантность) (0,78), интегральный показатель интолерантности к неопределенности (0,74).

Этот фактор может быть обозначен как «Деадаптивное избегание и ригидность мышления в неопределенности» (когнитивный компонент) и отражает склонность к деадаптивным когнитивным искажениям в условиях неопределенности: уход от решения проблем, затягивание действий, повышенная тревожность и ригидность мышления.

Второй фактор с объяснительной силой 24, 69 % дисперсии включает в себя девять переменных, имеющих максимальные положительные нагрузки по данному фактору: импульсивный тип (0,65), удерживающий тип (0,51), адаптивный компонент импульсивного типа (0,51), адаптивный компонент удерживающего типа (0,57), истощение психоэнергетических ресурсов (0,54), нарушение воли (0,55), эмоциональная неустойчивость (0,04), нарушение сна (0,52), деадаптация (0,56). Основные характеристики данного фактора связаны с импульсивностью, истощением и деадаптацией. Интересно, что наибольшие нагрузки по данному фактору обнаруживают оба дестабилизирующих типа фрустрационной устойчивости – импульсивный и удерживающий. Эти типы характеризуются тенденцией совершать действия без обдумывания, либо сдерживания нежелательных импульсивных реакций при реакции чрезмерного напряжения. Для обоих типов характерна реакция деадаптации при которой психофизиологические реакции дестабилизируются, либо наблюдается повышенное сердцебиение, учащенный пульс и дыхание, либо реакция замиранья. Социальная деадаптация и деадаптация к сложившейся фрустрационной ситуации.

Данный фактор можно назвать «Дисфункциональная саморегуляция в условиях стресса» (психофизиологический компонент), что указывает на психофизиологическую дестабилизацию, срыв саморегуляции в условиях длительного стресса, снижение волевого контроля и накопление усталости, что способствует совершению ошибок в критической ситуации.

И, наконец, третий фактор с дисперсией 10,23 % обобщает девять компонентов. Из них четыре переменных имеют положительную нагрузку: нервно-психическая устойчивость (0,57), эмоциональный компонент эффективный тип (0,84), импунитивные реакции (0,83), препятственно-доминантный тип (0,90). И, пять переменных образующих третий фактор имеют отрицательную нагрузку: эмоциональный компонент импульсивный тип (-0,50), эмоциональная неустойчивость (-0,94), суммарный показатель невротизации (-0,78), экстрапунитивные реакции (-0,64), необходимо-упорствующий тип (-0,64). Отличительной особенностью данного фактора является интеграция эмоциональных компонентов в условиях стрессовой ситуации. При этом на положительном полюсе сосредоточены адаптивные эмоциональные реакции на фрустрационные ситуации, такие как спокойствие, легкое волнение или умеренное возбуждение. Выраженное самообладание, военнослужащий довольно быстро может стабилизировать свое эмоциональное состояние, обладают критичностью ума и умеют видеть новизну проблемы. Фрустрирующая ситуация интерпретируется личностью как своего рода возможность раскрыть свои ресурсы, субъект берется сам решить фрустрирующую проблему. Этот фактор связан с высокой эмоциональной стабильностью личности и свидетельствует о развитии чувства долга, повышенной ответственности, наблюдается отрицательная корреляция

с невротизацией и эмоциональной неустойчивостью. Следовательно, данный фактор можно назвать «Эмоционально-конструктивное преодоление фрустрации» (эмоциональный компонент) и отражает эффективные эмоциональные стратегии совладания с фрустрирующей ситуацией, способность сохранять эмоциональную стабильность, нервно-психическую устойчивость, переключаться с негативных переживаний на конструктивные действия.

Трехмерная модель устойчивости военнослужащих к фрустрационным ситуациям, предложенная в этой работе, согласуется с теоретическими подходами и эмпирическими исследованиями, которые рассматривают и измеряют устойчивость как многомерную конструкцию. Так, например К. Коннор и Р. Дэвидсон [Connor, 2003] утверждают, что структур устойчивости составляют пять факторов: 1. личная компетентность; 2. сопротивление воздействию стресса; 3. гибкость и надежные отношения; 4. контроль; 5. духовное влияние. В нашей модели личная компетентность, принятие изменений и контроль включены в первый фактор «Деадаптивное избегание и ригидность мышления в неопределенности» и второй фактор «Дисфункциональная саморегуляция в условиях стресса». В нашей модели духовные факторы и надежные отношения не выявлены как имеющие значение для офицеров боевого обеспечения. Р. Бартоне и др. [Bartone, 2006] было представлено три показателя психологической устойчивости: приверженность, контроль и вызов, все из которых входят в оба первых фактора. Оба фактора в нашей модели можно считать важным свойством устойчивости, необходимым для военной среды. Первый фактор также отражает гибкость в условиях изменений. Модель психологической устойчивости, разработанная Г. Уиндлом и соавторами [Windle, 2008] представляет три ресурсные области: самооценку, личностную компетентность и межличностный контроль. Самооценка и личностная компетентность (когнитивный компонент) явно затрагиваются в нашем первом факторе, в то время как межличностный контроль подразумевается, но не полностью отражается в этом факторе.

Вывод

Таким образом, на основе факторного анализа была построена трехфакторная модель, отражающая три компонента устойчивости военнослужащих к фрустрации: когнитивный, психофизиологический и эмоциональный.

Первый компонент включал качества, выявляющие склонность к дезадаптивным когнитивным искажениям в условиях неопределенности: уход от решения проблем, затягивание действий, повышенная тревожность и ригидность мышления. Действительно, военнослужащие склонные долго обдумывать собственные действия в условиях стресса не способны быстро и эффективно выполнить служебно-боевую задачу и достигать целей в неблагоприятных условиях [Федоршин, 2019].

Второй компонент связан с психофизиологической дестабилизацией, срывом саморегуляции в условиях длительного стресса, снижение волевого контроля и накопление усталости, что способствует совершению ошибок военнослужащими в критической ситуации.

Третий фактор, образован переменными отражающими эмоциональную самоэффективность, упорство, выносливость и совладание с фрустрирующей ситуацией. Содержание этого фактора предполагает, что устойчивость включает эффективные эмоциональные стратегии совладания с фрустрирующей ситуацией, способность сохранять эмоциональную стабильность, нервно-психическую устойчивость, переключаться с негативных переживаний на конструктивные действия. Действительно, устойчивые военные офицеры считают себя уверенными в своей способности выполнять задачи. Курсанты с высокой

степенью устойчивости описывают себя как усердных, способных принимать решения и не склонных легко сдаваться.

Даже несмотря на то, что наша модель многомерна, она опирается на меньшее количество факторов, чем другие модели, и, следовательно, может быть более экономичной. В то же время представленные три фактора устойчивости к фрустрации, по-видимому, включают в себя ключевые факторы устойчивости, встречающиеся в большинстве общих моделей устойчивости. Этот вывод демонстрирует потенциальную значимость модели фрустрационной устойчивости для военнослужащих и может представлять собой основу для концептуализации данного конструкта.

Основным ограничением исследования является сосредоточенность фокуса исследования на курсантах (будущих офицерах), что могло повлиять на выявленные факторы устойчивости к фрустрационным факторам, т.к. они еще не сталкивались в своей жизнедеятельности с боевыми обстоятельствами. Однако сравнение переменных, составляющих факторы нашей модели устойчивости с другими моделями показывает, что наша модель может быть, по крайней мере, частично релевантна и гражданским лицам, сталкивающимся с ежедневными стрессорами и боевым офицерам.

Факторная модель устойчивости к фрустрационным ситуациям, представленная в данной работе, важна для военнослужащих, и эти компоненты следует учитывать при оценке и отборе военных кадров, а также при подготовке к служебной деятельности. Результаты данного исследования могут также быть актуальны для различных групп военнослужащих.

Библиография

1. Мекебаев Н. С., Перевозкина Ю. М., Федоришин М. И. Ментальные модели социального взаимодействия военнослужащих // Смальта. 2021. № 3. С. 65–76.
2. Перевозкина Ю. М. Структурный анализ социально-психологических факторов совладающего поведения курсантов Росгвардии / Ю. М. Перевозкина, Р. А. Биденко // Человеческий капитал. 2022. № 4 (160). С. 204–213.
3. Перевозкина Ю. М., Перевозкин С. Б., Федоришин М. И. Ментальные модели социального взаимодействия в служебной деятельности: электронное учебное пособие. Новосибирск, 2023.
4. Спиринов А. В., Перевозкина Ю. М., Федоришин М. И. Критерии эффективности коллективных ментальных моделей // Методология современной психологии. 2023. № 17. С. 290–294.
5. Федоришин М. И., Спиринов А. В., Чайковский П. В. Особенности индивидуальности личности курсантов с высоким уровнем саморегуляции // Социальный психолог. 2019. № 1 (37). С. 423–435.
6. Федоришин М. И., Перевозкина Ю. М. Специфика выраженности способностей и когнитивных процессов в зависимости от доминирующей ролевой модели курсантов при решении служебно-боевых задач // Актуальные проблемы профессионально-практической психологии (Дьяченкоские чтения – 2022): сб. науч. тр. I Междунар. науч.-практ. конф. М., 2022. С. 513–520.
7. Федоришин М. И., Андронов А. В. Индивидуальные особенности саморегуляции курсантов военного вуза // Ярославский психологический вестник. 2021. № 5 (53). С. 354–363.
8. Фролова Л. В., Федоришин М. И. Проблемы социальной адаптации выпускников военных вузов // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации: сб. науч. статей VIII Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. 2017. С. 271–276.
9. Bartone P. T. Resilience under military operational stress: Can leaders influence hardiness? // Military Psychology. 2006. № 18(1). P. 131–148.
10. Bonanno G. A., Galea S., Bucciarelli A., Vlahov D. What predicts psychological resilience after disaster? The role of demographics, resources, and life stress // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 2007. № 75(5). P. 671–682.
11. Connor K. M., Davidson R. T. Development of a new resilience scale: The Connor-Davidson Resilience Scale // Depression and Anxiety. 2003. № 18(2). P. 76–82.
12. Florian V., Mikulincer M., Bucholtz I. Effects of adult attachment style on the perception and search for social support // The Journal of Psychology. 1995. № 129(6). P. 665–676.
13. Gross J. J., John O. P. Individual differences in two emotion regulation processes: Implications for affect, relationships, and well-being // Journal of Personality and Social Psychology. 2003. № 85(2). P. 348–362.

14. King L., King D., Vogt D., Knight J., Samper R. Deployment risk and resilience inventory: A collection of measures for studying deployment-related experience of military personnel and veterans // *Military Psychology*. 2006. № 18(2). P. 89–120.
15. Luthar S. S., Cicchetti D., Becker B. The construct of resilience: A critical evaluation and guidelines for future work // *Child Development*. 2000. № 71(3). P. 543–562.
16. Maddi S. R., Matthews M. D., Kelly D. R., Villarreal B., White M. The role of hardiness and grit in predicting performance and retention of USMA cadets // *Military Psychology*. 2012. № 24(1). P. 19–28.
17. Street A. E., Gradus J. L., Giasson H. L., Vogt D., Resick P. A. Gender differences among veterans deployed in support of the wars in Afghanistan and Iraq // *Journal of General Internal Medicine*. 2013. № 28(S2). P. 556–562.
18. Wagnild G., Young H. M. Development and psychometric evaluation of the resilience scale // *Journal of Nursing Measurement*. 1993. № 1(2). P. 165–178.
19. Windle G., Markland D. A., Woods R. T. Examination of a theoretical model of psychological resilience in older age // *Aging & Mental Health*. 2008. № 12(3). P. 285–292.

Structural Components of Servicemen's Resilience to Stress-Frustration States

Vasilii I. Ivanov

Battalion Commander for Educational Process Support,
Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after Army General I.K. Yakovlev
of the National Guard Troops of the Russian Federation,
630114, 6/2, Klyuch-Kamyshenskoye Plato str., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: vasyagansk@mail.ru

Sergei B. Perevozkin

PhD in Psychology, Associate Professor,
Senior Research Fellow, Research and Publishing Department,
Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after Army General I.K. Yakovlev
of the National Guard Troops of the Russian Federation,
630114, 6/2, Klyuch-Kamyshenskoye Plato str., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: per_sj@mail.ru

Yuliya M. Perevozkina

Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Head of the Department of Practical and Special Psychology,
Faculty of Psychology,
Novosibirsk State Pedagogical University,
630126, 28, Vilyuyskaya str., Novosibirsk, Russian Federation;
Professor, Department of Military Pedagogy and Psychology,
Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after Army General I.K. Yakovlev
of the National Guard Troops of the Russian Federation,
630114, 6/2, Klyuch-Kamyshenskoye Plato str., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: per@bk.ru

Mikhail I. Fedorishin

PhD in Psychology, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Practical and Special Psychology,
Faculty of Psychology,
Novosibirsk State Pedagogical University,
630126, 28, Vilyuyskaya str., Novosibirsk, Russian Federation;
Senior Lecturer, Department of Military Pedagogy and Psychology,
Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after Army General I.K. Yakovlev
of the National Guard Troops of the Russian Federation,
630114, 6/2, Klyuch-Kamysenskoye Plato str., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: maskarad14@mail.ru

Abstract

Servicemen are exposed to both stress factors typical of daily life and stress factors arising exclusively in combat conditions. The execution of service-combat tasks by servicemen during the Special Military Operation requires the development of their resilience to stress impacts. The aim of the study is to identify the components of servicemen's resilience to stress-frustration states. This aim was achieved by examining the factor structure of resilience. Participants were 226 third-year cadets aged 19 to 28. The results of factor analysis showed that a model with three components has the best explanatory power (68.34%). The first factor, "Maladaptive Avoidance and Rigidity of Thinking in Uncertainty" (cognitive component), with 33.42% variance, included 10 variables. The second factor, "Dysfunctional Self-Regulation under Stress Conditions" (psychophysiological component), with explanatory power of 24.69% variance, includes nine variables. The third factor, "Emotional-Constructive Coping with Frustration" (emotional component), with 10.23% variance, summarizes nine indicators. This research contributes to understanding frustration resilience in servicemen. The presented model includes key resilience factors found in most general resilience models. This conclusion demonstrates the potential significance of the frustration resilience model for servicemen and may serve as a basis for conceptualizing this construct.

For citation

Ivanov V.I., Perevozkin S.B., Perevozkina Yu.M., Fedorishin M.I. (2025) Strukturnyye komponenty ustoychivosti voennosluzhashchikh k stress-frustratsionnym sostoyaniyam [Structural Components of Servicemen's Resilience to Stress-Frustration States]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennyye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 14 (12A), pp. 115-126. DOI:10.34670/AR.2026.14.22.008

Keywords

Resilience, frustration, stress, extreme situations, servicemen, psychological adaptation, military psychology.

References

1. Fedorishin, M. I., & Andronov, A. V. (2021). Individualnye osobennosti samoregulatsii kursantov voennogo vuza [Individual features of self-regulation of military university cadets]. *Iaroslavskii psikhologicheskii vestnik*, 5(53), 354–363.

2. Fedorishin, M. I., Perevozkina, Iu. M. (2022). Spetsifika vyrazhennosti sposobnostei i kognitivnykh protsessov v zavisimosti ot dominantnoi rolevoi modeli kursantov pri reshenii sluzhebno-boevykh zadach [Specifics of the severity of abilities and cognitive processes depending on the dominant role model of cadets when solving service and combat tasks]. In "Aktualnye problemy professionalno-prakticheskoi psikhologii (Diachenkovskie chteniia – 2022)" (pp. 513-520).
3. Fedorishin, M. I., Spirin, A. V., & Chaikovskii, P. V. (2019). Osobennosti individualnosti lichnosti kursantov s vysokim urovnem samoregulatsii [Features of the individuality of the personality of cadets with a high level of self-regulation]. *Sotsialnyi psikholog*, 1(37), 423–435.
4. Frolova, L. V., & Fedorishin, M. I. (2017). Problemy sotsialnoi adaptatsii vypusknikov voennykh vuzov [Problems of social adaptation of graduates of military universities]. In *Napravleniia i perspektivy razvitiia obrazovaniia v voennykh institutakh voisk natsionalnoi gvardii Rossiiskoi Federatsii* (pp. 271-276).
5. Mekebaev, N. S., Perevozkina, Iu. M., & Fedorishin, M. I. (2021). Mentalnye modeli sotsialnogo vzaimodeistviia voennosluzhashchikh [Mental models of social interaction of military personnel]. *Smallta*, 3, 65–76.
6. Perevozkina, Iu. M. (2023). *Mentalnye modeli sotsialnogo vzaimodeistviia v sluzhebnoi deiatelnosti* [Mental models of social interaction in official activities; Electronic textbook]. Novosibirsk.
7. Perevozkina, Iu. M., & Biedenko, R. A. (2022). Strukturnyi analiz sotsialno-psikhologicheskikh faktorov sovladaushchego povedeniia kursantov Rosgvardii [Structural analysis of socio-psychological factors of coping behavior of Rosgvardia cadets]. *Chelovecheskii kapital*, 4(160), 204-213.
8. Spirin, A. V., Perevozkina, Iu. M., & Fedorishin, M. I. (2023). Kriterii effektivnosti kollektivnykh mentalnykh modelei [Criteria for the effectiveness of collective mental models]. *Metodologiya sovremennoi psikhologii*, 17, 290-294.
9. Bartone, P. T. (2006). Resilience under military operational stress: Can leaders influence hardiness? *Military Psychology*, 18(1), 131–148.
10. Bonanno, G. A., Galea, S., Bucciarelli, A., & Vlahov, D. (2007). What predicts psychological resilience after disaster? The role of demographics, resources, and life stress. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 75(5), 671–682.
11. Connor, K. M., & Davidson, J. R. (2003). Development of a new resilience scale: The Connor-Davidson Resilience Scale (CD-RISC). *Depression and Anxiety*, 18(2), 76–82.
12. Florian, V., Mikulincer, M., & Bucholtz, I. (1995). Effects of adult attachment style on the perception and search for social support. *The Journal of Psychology*, 129(6), 665–676
13. Gross, J. J., & John, O. P. (2003). Individual differences in two emotion regulation processes: Implications for affect, relationships, and well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 85(2), 348–362.
14. King, L. A., King, D. W., Vogt, D. S., Knight, J., & Samper, R. E. (2006). Deployment Risk and Resilience Inventory: A collection of measures for studying deployment-related experiences of military personnel and veterans. *Military Psychology*, 18(2), 89–120.
15. Luthar, S. S., Cicchetti, D., & Becker, B. (2000). The construct of resilience: A critical evaluation and guidelines for future work. *Child Development*, 71(3), 543–562.
16. Maddi, S. R., Matthews, M. D., Kelly, D. R., Villarreal, B., & White, M. (2012). The role of hardiness and grit in predicting performance and retention of USMA cadets. *Military Psychology*, 24(1), 19–28
17. Street, A. E., Gradus, J. L., Giasson, H. L., Vogt, D., & Resick, P. A. (2013). Gender differences among veterans deployed in support of the wars in Afghanistan and Iraq. *Journal of General Internal Medicine*, 28(S2), 556–562.
18. Wagnild, G. M., & Young, H. M. (1993). Development and psychometric evaluation of the Resilience Scale. *Journal of Nursing Measurement*, 1(2), 165–178.
19. Windle, G., Markland, D. A., & Woods, R. T. (2008). Examination of a theoretical model of psychological resilience in older age. *Aging & Mental Health*, 12(3), 285–292.